

Gregor Moder, *Hegel und Spinoza. Negativität in der gegenwärtigen Philosophie*
[*Hegel and Spinoza. Negativity in Contemporary Philosophy*]

Vienna: Turia + Kant, 2012, 212pp., ISBN 978-3851326901

Мирт Комель
Университет Любляны

Диалог с Гегелем и Спинозой: либо вы за Гегеля и Спинозу, либо вы не философ вовсе

Автор «Гегеля и Спинозы» хорошо известен как философ и театральный деятель не только словенцам, но и интернациональной публике. Он был исследователем Академии Яна ван Эйка в Маастрихте (Нидерланды), а в настоящее время является членом редакционной коллегии словенского философского журнала “Problemi” и одним из основателей “Aufhebung” —Международной гегелевской ассоциации с центром в Любляне.

Эта монография основана на докторской диссертации, в которой часто непроницаемая сложность ученого дискурса приближена к усредненной потенции чтения без потери необходимой строгости философской мысли. Автор пытается разобраться в одной из самых противоречивых и в тоже время наиболее перспективных дилемм современной философии, которую можно обобщить вопросом: Гегель или Спиноза? Именно так, к слову, звучит заголовок недавно переведенной на английский книги Пьера Машре (Marcherey 2012).

В своих «Лекциях по истории философии» Гегель утверждает: либо вы спинозист, либо не философ вовсе (Гегель 1994). Именно Спиноза в «Этике» отважился помыслить единосущность бытия и мышления в понятии субстанции, которое было выдвинуто им в противоположность чистой негативности картезианского субъекта. Но если скачок от Декарта к Спинозе подразумевает, что мысль должна перейти от негативности субъекта к позитивной и самотождественной субстанции, то движение от Спинозы к Гегелю — это движение от субстанции к знаменитой формуле из «Феноменологии Духа». Согласно «Феноменологии», для философии важнее всего

научиться понимать истину не только как субстанцию, но и как субъект (Гегель 2000). Мы можем посмотреть на всю историю современной философии в этой перспективе: либо мы должны утвердить субстанцию Спинозы в качестве единого неделимого и цельного тождества, либо принять гегелевское понятие субстанции как того, что в своей собственной внутренней сущности усечено негативно-субъектом.

Явным или косвенным образом этот вопрос продолжал вновь и вновь подниматься в постспинозистской и постгегельянской философской традиции. Сформировались два едва ли не враждебных лагеря. Первый из них следовал Гегелю и его трактовке спинозизма как необходимой точки вхождения в философию («либо вы спинозист...»), но не достаточного основания для философского мышления («...понять абсолют не только как субстанцию»). Другой лагерь нашел убежище от ловушек и закоулков гегельянской диалектики, погрузившись в философское наследие Спинозы и попытавшись тем самым разрушить чары гегелевского понятия негативности, выраженного в несколько парадоксальном определении абсолюта одновременно как субстанции и как субъекта — определении, которое, в свою очередь, примыкает к спинозистскому понятию позитивной субстанции. Таким образом, сам по себе вопрос не нов; однако книга Модера примечательна вовсе не тем, что принимает ту или иную сторону этого разделения. При этом автор полностью осведомлен о том, что «нейтральная» позиция безучастного наблюдателя попросту невозможна. Сама по себе проблематика слишком радикальна, чтобы допустить незаинтересованное рассмотрение.

Путь, на который увлекает нас книга Модера, — это своего рода лента Мебиуса, одной стороной которой является субстанция, а другой — негативность. Перефразируя авторскую формулировку: нужно понять субъект как разрыв внутри самой субстанции (96ff.). Все это должно привести нас к единственному заключению, состоящему в том, что перед нами один и тот же путь. Он не прям, не легок, но полон тупиков и резких поворотов.

Начиная со вступительной обрисовки проблемы и вопроса о том, как складываются отношения между Гегелем и Спинозой, между субстанцией и негативностью, автор быстро продвигается к сердцевине поставленной проблемы. Ее формулировка содержится в разделе о чистом бытии гегелевской «Науки логики». Если введем («Гегель и Спиноза») представляет собой историческую реконструкцию проблематики, то вторая глава («История и логика») затрагивает вопрос об историчности самой по себе с онтологической точки зрения: приводятся различные историко-онтологические топосы, такие как «Восток и проблема начала», «диалектика элеатов», «неоплатонизм» и т. д. Лейтмотив книги заявляет о себе в дальнейшем повторении проблемы соотношения истории и философии. После третьей

главы, наиболее гегелевской по духу («Телос, Телеология, Телейосис»), мы добираемся до четвертой, где проблематика темпоральности рассмотрена в спинозистском ключе — через призму дискуссии о «Смерти и конечности». Траектория завершается современным прочтением теории идеологии Альтюссера, представленной в качестве примера гегелевско-спинозистской теории («Идеология и своеобразие отклонения»).

Не нужно, однако, дожидаться последней главы книги, чтобы найти конкретные примеры того, как проблематика отношения Гегеля и Спинозы преломляется в современных философских дискуссиях. Подобные примеры обсуждаются на протяжении всей монографии и иллюстрируют некоторые из самых сложных философских проблем, вплоть до проблем комедии и овсяной каши. Тем самым становится ясно, что (гегельянский) Дух, скорее всего, невозможен без толики остроумия.

Говорят, что критика никуда не годится, если в своем объекте ей не удастся найти что-нибудь неполноценное или требующее доработки. Поскольку эта рецензия стремится быть добротной критикой, мы должны использовать нож, надеясь ударить им не в спину автора, а, скорее, прямо в грудь — также как в брехтовском аллегорическом представлении гегелевских понятий, которые весь день яростно грызут друг другу глотки лишь для того, чтобы вечером спокойно усесться за одним столом (Brecht 1982: 1460–1462). В описанном выше движении аргументации, т. е. в движении исторической темпоральности, которая одновременно рассматривается и как противопоставленный философии объект, и как ее же имманентная проблема, мы можем уловить нечто вроде слепого пятна, наиболее отчетливо заметного в пробеле внутри раздела библиографии. Переход от Спинозы к Гегелю и от Гегеля к Альтюссеру обнаруживает отсутствие прямых отсылок к анализу ключевого шага, который мог бы связать всю проблематику в согласованное целое: речь идет о Марксе.

Кажется, что это слепое пятно, Гегель без Маркса — на контрасте с попыткой раннего Альтюссера прочитать Маркса без Гегеля — распространено среди большинства современных интеллектуалов, занимающихся гуманитарными и социальными науками, в особенности среди тех, кто понимает отношение между Гегелем и Марксом как отношение исключения, как альтернативу выбора, подобную той, что возникает на почве размежевания между Гегелем и Спинозой. Они упускают из вида тот факт, что нет ни Гегеля без Спинозы, ни Маркса без Гегеля.

Тем не менее, чтобы, по всем правилам приличий, закончить на положительной ноте, вместо предъявления упрека мы призовем читателей обратить более пристальное внимание на эту книгу и ее автора. «Либо Гегель, либо Спиноза» не является действительной ди-

леммой. На самом деле она, если перефразировать самого Гегеля, дилемма такова такова: либо вы за Гегеля **и** Спинозу, либо вы вообще не философ.

Перевод с англ. Валерии Левчук

Библиография

- Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1994). *Лекции по истории философии*, т. 3. М.: Наука.
- Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (2000). *Феноменология духа*. М.: Наука.
- Спиноза, Бенедикт (2015). *Этика*. СПб.: Азбука-классика.
- Brecht, Bertolt (1982). *Gesammelte Werke*, Vol. 14. Frankfurt: Suhrkamp.
- Macherey, Pierre (2012). *Hegel or Spinoza?* Minneapolis: University of Minnesota Press.